
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340:307

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(4).5-15

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М.П. Клеймёнов, Д.В. Ерохин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

5 октября 2018 г.

Дата принятия в печать –

14 декабря 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 января 2019 г.

Ключевые слова

Методология правоприменения,
правоприменительная политика,
мониторинг правоприменения,
правовое моделирование,
юридическое прогнозирование,
правоприменение

Представлен анализ методологии правоприменительной политики, основанный на ее структурировании с выделением таких элементов, как моделирование основных направлений осуществления права; конкретизация общей стратегии реализации правовых предписаний; выявление тенденций правоприменительной практики; коррекция тенденций правоприменительной практики; научно-методическое обеспечение правоприменительной политики. Кроме того, определены понятие политики правоприменения и ее организационные и правовые основы. Исследовано значение рассматриваемой категории для правоприменительной деятельности.

THE METHODOLOGY OF LAW ENFORCEMENT POLICY

Mikhail P. Kleymenov, Denis V. Erokhin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 October 05

Accepted – 2018 December 14

Available online –

2019 January 20

Keywords

Law enforcement methodology,
law enforcement policy, law
enforcement monitoring, legal
modeling, legal forecasting, law
enforcement

The subject of the paper is methodology of law enforcement policy, elements and relevance for law enforcement activity.

The main aim of the paper is to confirm or disprove the hypothesis that methodology of law enforcement policy is a system of intellectual elements and a part of the higher level system of law enforcement policy simultaneously.

The description of methodology. The methodological basis of research is systematic approach. Authors analyze the methodology of law enforcement policy as a combination of elements influencing on each other. The dialectic and formal-legal methodology is also used when the authors analyze trends in judicial practice.

The main results and scope of their application. Law enforcement policy is a state strategy that defines the main directions, methods and means of implementation of legal regulations. From the standpoint of a systematic approach, law enforcement policy is a system of managerial type that consists of three elements: subject, object and means (methods). The methodology of law enforcement is a system of interacting elements, such as: modeling the main directions of the implementation of the law; specification of the general strategy for the implementation of legal regulations; identifying trends in law enforcement; correction of law enforcement practices; scientific and methodological support of law enforcement policy. The authors analyze each of the listed elements of the law enforcement policy, pointing out their role in improving the practice of law enforcement. The proposed analysis may become a crucial point for research in the field of law enforcement methodology. The results of research may be used as the basis of correction of methodology of law enforcement practice.

Conclusions. The authors conclude that methodology of law enforcement policy is a system of intellectual elements. Methods of information systems theory can be used in the field of law enforcement policy modeling. The methodology of law enforcement policy has a close connection with legal policy in general, so we need to recognize the exceptional importance of legal declarations for the law enforcement.

1. Введение

Правоприменительная политика, по справедливому замечанию Н.Н. Вопленко, фокусирует в себе основные тенденции теории и практики правоприменительной деятельности [1, с. 96–97]. Между тем в теории правовой политики ей не уделено должного внимания, что актуализирует потребность в дополнении теории разработками в сфере методологии правоприменительной политики.

Специфика методологии правоприменительной политики в целом обосновывается необходимостью проведения разделения между ее теоретической основой и собственно практической составляющей. Определенные соображения о критериях такого разделения уже заложены правовой доктриной и могут быть из нее восстановлены. В этой связи значительный интерес представляют работы Г. Кельзена [2], а также труды представителей американского течения социологической школы права – реалистической теории права, в частности, Р. Паунда [3]. Вместе с тем реальность имеющихся на сегодняшний день российских тенденций правоприменения требует использования такого экспликационного подхода с большой осторожностью, поскольку частностей может оказаться больше, чем выявленных на основе ранних теоретических работ закономерностей.

Отметим, что практический компонент правоприменительной методологии понимается нами в достаточно простом виде, как своеобразный ответ на фундаментальные практические вопросы «что делать?» и «как делать?». И в таком понимании практические методы политики правоприменения составляют активную часть ее функционального потенциала, за счет которой она должна перейти из состояния сугубо теоретической конструкции ценностно-ориентационного предназначения в позицию силы, движущей изначально бессистемное и эпизодическое правоприменение к действительно результативной деятельности. Именно такой подход позволяет использовать чисто теоретические концепции для более полного понимания какого-либо аспекта правовой реальности.

Нельзя не отметить и того факта, что иногда юридическая наука не использует в полной мере по-

тенциал обеих составляющих методологии политики правоприменения, а лишь иногда прибегает к ней для того, чтобы давать советы юристам-практикам относительно того, какими должны быть их действия и решения, чтобы соответствовать правовой системе. Как правило, это обосновывается тем фактом, что конечной целью правовой доктрины является ориентация на практику, а не на теорию. Однако практическая значимость правоприменительной политики будет проявлена тогда, когда в полной мере будет задействован ее описательно-объяснительный потенциал.

Таким образом, мы еще раз подчеркиваем важность рассмотрения теоретического и практического в методологии правоприменительной политики как диалектически связанных категорий, например, таких как установление правовых запретов и контроль за их соблюдением. Следует отметить, что взаимосвязанность прослеживается в том, что определенные методы теоретической направленности используются для уяснения содержания норм права; результат же такой деятельности, в свою очередь, составляет основу для чисто практических решений, базирующихся на теоретически первопричинном анализе [4, с. 130–141].

С учетом изложенного, резюмируем, что под методологией политики правоприменения мы понимаем систему методов:

- а) моделирования основных направлений осуществления права;
- б) разработки общей стратегии реализации правовых предписаний;
- в) выявления тенденций правоприменительной практики;
- г) коррекции тенденций правоприменительной практики;
- д) научно-методического обеспечения правоприменительной политики.

2. Системный подход как методологическая база политики правоприменения

Анализ правоприменительной политики в рамках системного подхода требует определения ее места среди смежных категорий. В этом отношении следует указать, что политика правоприменения яв-

ляется составной частью правовой политики, затрагивающей вопросы реализации права. Правовая политика, как правило, понимается как система принципов, стратегических направлений и практических путей создания и реализации правовых норм, укрепления режима законности и безопасности [5]. Вместе с тем данный подход к определению сущности правовой политики критикуется на том основании, что он значительное внимание уделяет теоретическому аспекту, отводя на второй план вопросы правотворчества и правоприменения [6, с. 42]. В связи с этим наиболее обоснованным нам представляется определение социально-правовой политики государства, данное В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Эминовым, согласно которому ее можно определить как выработанную государством стратегическую (генеральную) линию, определяющую основные направления, методы, средства правового воздействия на преступность, в частности, путем разработки и совершенствования законодательства, практики его применения, а также выработки и реализации мер антикриминального воздействия [7, с. 131]. На основе данного понятия определим правоприменительную политику как государственную стратегию, определяющую основные направления, методы и средства реализации правовых предписаний.

Отметим также, что эта часть правовой политики государства, несмотря на ее более узкое содержание, вовсе не носит второстепенный, факультативный характер, так как именно практика применения права играет определяющую роль в оценке правовой системы в целом. Это вполне соотносится с положениями марксистской философской школы о практике как критерии Истины. Так, К. Маркс писал, что «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью – вовсе не вопрос истории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посясторонностью своего мышления» [8, с. 383]. А Истина в юриспруденции является синонимом справедливости, поэтому «уход» от нее есть подрыв фундамента юриспруденции, ее конструктивных основ, своего рода идеологическая диверсия. Когда право начинает обслуживать интересы узкой группы лиц, а не народа, как носителя суверенитета, оно становится антиправом [9].

С позиций системного подхода правоприменительная политика представляет собой систему управленческого типа, в который выделяются три элемента: субъект, объект и средства (методы).

С точки зрения субъектного состава правоприменительная политика осуществляется, соответственно, всеми тремя ветвями власти:

- законодательные органы – Федеральное Собрание РФ, представительные органы субъектов РФ и муниципальных образований;
- исполнительные органы – Правительство РФ, министерства, правоохранительные органы;
- суды;
- специфические субъекты – Президент РФ, его административный аппарат.

Данными субъектами определяется правовая основа правоприменительной политики путем принятия нормативных правовых актов, касающихся отдельных ее аспектов (например, регулирующих вопросы проведения мониторинга правоприменения, о чем будет сказано ниже), либо направленных на закрепление принципиальных и стратегических положений, а также путем принятия организационно-распорядительных документов по вопросам их деятельности.

Основная тяжесть правоприменения ложится на плечи правоохранительных и судебных органов. Здесь следует различать этапы правового реагирования на правовые девиации: от «входа» в систему юстиции (регистрация заявлений и сообщений) до «выхода» из нее (исполнение юридического решения и ликвидация правовых последствий).

Объектами правоприменительной политики выступает деятельность органов государственной власти и органы местного самоуправления. Так, она воздействует на:

- правотворческую деятельность – через обоснование необходимости проведения определенной правотворческой работы по созданию, изменению или отмене правовых норм; посредством предоставления необходимых сведений в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов; а также способствуя выработке концептуальных основ правового регулирования тех или иных общественных отношений (например, путем определения стратегии противодействия правонарушениям;
- деятельность органов государственной власти и местного самоуправления – путем определения основных направлений реализации ими своих властных полномочий (в соответствии с их компетенцией);
- правоохранительную деятельность – обосновывая пределы правового регулирования и определяя приоритетные направления активности субъектов правоприменения через выявление основных

тенденций в практике применения ими норм материального и процессуального права.

Объектами правоприменительной практики являются также юридические и физические лица: как в плане позитивной юридической ответственности, так и в ситуациях правового реагирования на их правонарушения.

3. Моделирование основных направлений реализации права

Исследование обозначенной области методологии правоприменительной политики, связанной с концептуальным моделированием в законодательстве, можно условно структурировать с точки зрения правовой политики в целом и правотворческой политики в частности. Это позволит в ходе дальнейшей исследовательской деятельности выявить новые возможности применения моделирования при изучении обозначенных явлений.

Наш исследовательский подход включает в себя следующие основные позиции, составляющие его аксиоматику:

– применение права есть составляющая часть правовой политики;

– моделирование правоприменительной политики основывается не только на применении права, но и на правотворческой деятельности (в ином случае выделение такой методологической подсистемы, как моделирование, в целом является нецелесообразным);

– моделирование как метод правоприменительной политики состоит из четырех основных стадий: разработка и развитие метода, разработка и развитие модели (концепта, вписанного в рамки политики правоприменения); прогнозирование результатов его реализации; апробирование разработанной модели; оценка результата.

Отметим, что структура переноса методов моделирования определяется теорией информационных систем, в которой приведенные выше принципы даются в привязке к конкретному этапу моделирования [10, с. 18–24]. Так, основное внимание здесь следует обратить на такие междисциплинарные методы, как метамоделирование, мультиперспективное моделирование, эталонное моделирование и т. д.

Следует провести разграничение моделирования правоприменительной политики в соответствии с указанными стадиями:

1. Разработка и развитие метода. Данная стадия характеризуется разработкой методов моделирования правоприменительной политики через создание системы подходов к разработке таких моде-

лей, адаптации их к условиям правовой действительности.

2. Разработка и развитие модели. Если в отношении правотворческой политики метод включает в себя разработку законодательства посредством проектирования и управления вариантами моделей законов [11, с. 724], то в правоприменительном аспекте он означает использование данных моделей в контексте юридической практики.

3. Юридическое прогнозирование, которое, во-первых, предполагает расширение диапазона сложившейся практики правовой экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов (в частности, антикоррупционной экспертизы). Такое расширения может быть реализовано путем введения в юридическую практику института полноценной криминологической экспертизы [12].

Во-вторых, любое значимое решение в сфере правоприменения также требует прогностической оценки: в частности получения ответов на вопросы: какие органы будут реализовывать правовое предписание; потребуются ли увеличение штатной их численности, изменение организационной структуры, профессиональная подготовка и обучение; насколько будут заинтересованы правоприменители в активной реализации правового установления; вероятность блокирования их активности действиями правонарушителей (подкупом, шантажом, угрозами), решение в этой связи проблем обеспечения безопасности сотрудников компетентных органов, контроля за их поведением.

4. Применение метода. В правотворческой политике рассматриваемый этап моделирования реализуется на уровне создания определенных правовых эталонов, т.е. моделей, ориентированных на реализацию руководящих принципов, утвержденных тем или иным направлением правовой политики в целом. Данная реализация в этом аспекте предстаёт в виде закона. Правоприменительная же политика на данном этапе моделирования воплощается в управляемом использовании созданной модели через официальное толкование права (посредством, например, актов высших судебных инстанций, например, постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам). При этом релевантность соответствующих интерпретаций должна быть подтверждена устойчивой правоприменительной практикой, в ином случае либо имело место неверное толкование правовой нормы, либо имеется необходимость перехода к начальной стадии моделирова-

ния или созданию нового юридического текста (закона) на основе созданной модели.

5. Оценка результата. Проверка разработанной модели на основе результатов первичного ее применения путем выяснения таких вопросов, как обеспечение ее высокого качества при разработке. В аспекте правотворческой политики качество модели должно соответствовать качеству принятого закона, которое исследуется посредством оценки его законности, соответствия правилам юридической техники, своевременности и актуальности закона и т. д. Некачественная модель приведет к дефектному правотворчеству или к неправовому закону [13]. Для правоприменительной политики такое качество проявляется в законности решений органов государственной власти, исполнимости таких решений и реальном положительном влиянии на регулирование общественных отношений.

Специальной оговорки требует процедура моделирования индивидуально-праворегулирующей практики и толкования права субъектами правоприменения как составляющих частей правоприменения. Так, в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления планирование осуществляемых ими контрольно-надзорных мероприятий должно быть построено как раз на основе взаимосвязанного моделирования, во-первых, толкования права субъектами правоприменения (например, поднадзорными организациями), во-вторых, практики применения норм права в аспекте смоделированного образа уясненной конкретным субъектом нормы права. Учет же возможных изъянов в толковании тех или иных обязательных требований позволит сконцентрировать внимание на определенных участках деятельности поднадзорной организации, входящих в сферу регулирования неправильно истолкованного правового акта. Значение методов моделирования правоприменительной практики здесь заключается в том, что они дают возможность составить систему своеобразных индикаторов, при обнаружении которых должностное лицо, непосредственно осуществляющее проверку, может установить, что имеют место нарушения обязательных требований.

Указанный механизм с очевидностью влияет и на правотворческую деятельность, поскольку при конструировании нормы права необходимо предвидеть механизм ее применения, т. е. определиться с потенциальными субъектами правоприменения, адресатами содержащихся в норме правовых предписаний и их структурой (социально-демографической,

географической и т. д.) [14, с. 10–12]. В этом отношении задача методологии правоприменительной политики состоит в том, что она:

– производит отбор случайных элементов моделирования и прогнозирования и как бы отбрасывает все то, что не попадает в сферу ее внимания;

– собирает в единую систему обозначенные априорно разрозненные элементы деятельности по конструированию моделей политики правоприменения, в связи с чем данный аспект методологии и позволяет не ограничиваться только лишь анализом имеющейся объективной действительности, но и предопределить будущее состояние практики реализации права.

4. Конкретизации общей стратегии реализации правовых предписаний

Во время разработки определенного направления правового регулирования субъектам законодательной инициативы иногда приходится прибегать к такому приему, как создание актов, основное назначение которых – закрепление руководящих принципов правового регулирования в той или иной области. Например, Концепция противодействия терроризму в России, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года, как следует из ее текста, определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации. Как правило, такие стратегии (концепции, планы) представляют собой комплекс основополагающих идей, которые, во-первых, отражают текущее состояние правоприменительной практики, во-вторых, оценивают ближайшие перспективы такого состояния. Предполагается, что такие концепции являются одной из основных гарантий целостности правовой системы, поскольку они в известной мере служат препятствием как для необдуманного законотворчества, так и для бессистемной нормотворческой работы органов государственной и муниципальной власти, что предопределяет характеристику такого метода как ограничительного. При этом в рамках именно этого аспекта вопроса методика конкретизации общих правовых концепций стоит строго отделять от вопросов формирования таких стратегических документов, поскольку ее задачами являются демонстрация того, как именно работает тот или иной документ концептуального характера, а также разъяснение, какой именно правоприменительной или законотворче-

ской работы требует то или иное положение этого документа.

Так, одним из вариантов конкретизации правовых документов стратегического характера являются средства внедрения положений законодательства в практику. Историческая практика советского периода показывает, что такими средствами могут являться кампании (кампания по борьбе с нетрудовыми доходами и т. д.), которым свойственны и положительные черты, определяемые конкретным направлением воздействия и концентрацией правовой политики в одной области, так и отрицательные (данное средство правовой реализации может обладать ярко выраженной политической избирательностью). Отметим, что необходимость в таком подходе должна определяться реальным состоянием обстановки, например, условиями военного времени.

Универсально применимые концептуальные модели должны отличаться, как правило, наиболее полным отражением лучших результатов правоприменительной практики. Вместе с тем политический компонент, изначально присущ правовому регулированию, поскольку право в целом опирается на государственное принуждение, границы которого определяются, в частности, формой государственного устройства. При этом рассмотрение права именно как способа организации социального порядка посредством применения силы со стороны государства ставит ряд вопросов о том, на основании чего и в чьих интересах такая сила применяется. Представляется, что вполне справедливо суждение тех ученых, которые связывают данную проблему с концепцией свободы воли. В силу того, что свобода воли понимается в качестве антропологической константы, характеризующей сущность человека, то право должно с необходимостью выводиться из свободы воли [15, с. 40–43]. Социалистические и коммунистические учения XIX в. в данном вопросе опираются на классовый характер государства и права. Последнее рассматривалось как средство поддержания такого порядка общественных отношений, в котором заинтересован господствующий класс. Таким образом, эксплуатация представлялась как глубинная суть воли законодателя, в связи с чем в праве выделялся классово-волевой элемент. Отметим, что рассмотрение права через призму воли господствующего класса, законодателя, политической воли имеет под собой существенные объективные основания (исторический опыт политической цензуры, подавление рабочего класса посредством права). Отметим, что и политическая воля может испыты-

вать влияние внешних факторов (в демократических государствах в роли такого фактора часто выступает общественное мнение). Российская же правотворческая и правореализационная практика зачастую на словах свободна от таких факторов, что вызывает как обоснованные претензии со стороны общественности, так и критику ученых. Декларативно закрепленные возможности науки влиять на правотворческую практику далеко не всегда реально учитываются законодателем в правотворческой деятельности. Влияние же научных разработок на правоприменительную политику и вовсе сведено к нулю.

5. Выявление тенденций правоприменительной практики

При оценке текущего состояния правоприменительной политики и тенденций её дальнейшего развития, а также при анализе имеющихся ресурсов правоприменительной деятельности, необходимо исследовать вопросы практики реализации правовых норм путем определения ее динамики. Данное направление методологии правоприменительной политики тесно связано с вопросами мониторинга правоприменения, правовые основы которого определены Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Так, под мониторингом правоприменения понимается комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (в пределах своих полномочий) по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу законов и иных нормативных правовых актов. С точки зрения субъектного состава мониторинг правоприменения осуществляется Президентом РФ, Правительством РФ, федеральным органом исполнительной власти в области юстиции, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, органами государственной власти субъектов Российской Федерации на плановой основе. Кроме того, на инициативной основе мониторинг правоприменения вправе проводить Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Генеральная прокуратура и др. При этом в литературе высказывается мнение о неполноте субъектного состава деятельности по мониторингу правоприменения [16].

Объектами такого мониторинга выступают нормативные правовые акты, в том числе нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, фе-

деральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и муниципальные правовые акты.

При этом следует учитывать, что правоприменение как таковое объективизируется в материалах следственной и судебной практики, практике осуществления прокурорского надзора, деятельности федеральных и региональных органов государственной власти. Очевидной проблемой является открытость деятельности названных органов (хотя в определенном отношении намечается тенденция к улучшению ситуации, о чем свидетельствует создание Генеральной прокуратурой РФ информационно-телекоммуникационного сервиса «Эфир» (URL: <http://efir.genproc.gov.ru>), посредством которого размещается в том числе аналитическая информация органов прокуратуры).

Обобщение основных тенденций правоприменительной практики строится на основе:

- определения основной цели такого обобщения;
- выбор объектов изучения;
- разработка основных средств исследования (анкетирование, сбор актов правоприменения и т. д.);
- классификация полученной информации, ее распределение по различным критериям;
- анализ и сопоставление полученной информации.

От мониторинга правоприменения, направленного на изучение состояния реализации норм права следует отличать правовой мониторинг, который определяется как комплексная деятельность по анализу, оценке, обобщению и прогнозу состояния законодательства, которая может быть направлена на контроль обеспечения и закрепления важных элементов подготовки, создания, принятия и введения в действие нормативных правовых актов (процессуальный мониторинг); на осуществление контроля в ходе дополнения, изменения, отмены действующего нормативного правового акта (производственный мониторинг); также правовой мониторинг может быть ориентирован на выявление связей контролируемого нормативного правового акта с уже действующими нормами по идентичным отношениям (системно-структурный мониторинг) [17, с. 38].

6. Коррекция тенденций правоприменительной практики

Настройка механизма правоприменительной политики возможна посредством обеспечения учета результатов производимой в рамках правопримени-

тельной политики аналитической деятельности в правотворчестве, а также посредством изменения вектора деятельности органов государственной власти. Например, итогами государственной систематизации результатов правоприменительной деятельности следует считать информационно-аналитические документы Генеральной прокуратуры РФ и иных органов власти, обзоры судебной практики и информационные бюллетени как судов субъектов Российской Федерации, так и Верховного Суда РФ, которые содержат указания на дефекты практики применения права. Отметим, что проводимая государственными органами систематизация составляет базу методологии правоприменительной политики, поскольку только она обладает наибольшим потенциалом как с точки зрения сбора и обобщения информации, так и с позиций внедрения результатов такой систематизации в правоприменительную практику. Результаты же анализа практики правоприменения, проводимой иными негосударственными субъектами должны учитываться указанными органами при осуществлении соответствующей деятельности. Это позволяет говорить о том, что данный аспект методологии политики правоприменения обладает ярко выраженной информационной функцией, поскольку позволяет субъектам права с точностью установить, каким должно быть их поведение, чтобы соответствовать требованиям закона. «Не случайно практикующие юристы ориентируются на опубликованную практику не в меньшей мере, чем на нормативную правовую информацию» – указывает В.Ю. Панченко [18].

Рассмотренные выше вопросы мониторинга правоприменения как составного элемента методологии политики правоприменения тесно связаны с более частными проблемами наблюдения, оценки и прогноза социальных явлений в контексте уголовной политики. В этом отношении целями такого мониторинга выступают не только получение комплексной информации о преступности, ее причинах, результатах борьбы с ней, но и корректировка соответствующих выводов [19, с. 46].

Между тем практика коррекции правоприменительной политики свидетельствует об ограниченном использовании результатов мониторинга правоприменения, сводящегося зачастую к исследованию данных официальной статистики. Так, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин отмечают, что «решения законодателя о трансформации уголовного законодательства, облаченные в одежды гуманизации и либерализации, лишены, таким образом, реальных социально-

экономических оснований, и потому нельзя избавиться от ощущения, что они в действительности являются необоснованными и преждевременными» [20, с. 194]. Обосновывается данное положение ролью официальной статистической отчетности, из которой следует, что при сохранении существующих темпов снижения преступности она к 2020 г. должна исчезнуть вовсе [20, с. 195]. Использование таких «результатов» в определении курса уголовной политики, при принятии управленческих решений компрометирует такую правовую политику в целом.

7. Научно-методическое обеспечение правоприменительной политики

Методология правоприменительной политики будет однозначно неполной без внедрения в нее методов правовых исследований. Вместе с тем такой подход открывает дискуссию о том, какое направление методологии юридической науки необходимо использовать в рамках правоприменительной политики. Так, вполне жизнеспособными являются не только традиционные для отечественной науки направления методологии, но и традиции зарубежной юриспруденции, такие как позитивизм, экзегетическая правовая традиция (направленная на выявление подлинной воли законодателя), междисциплинарный подход (рассмотрение правовых предписаний в контексте связанным с ними как правовых, так и иных социальных институтов), социология права, конструктивные идеи постмодернизма и т. д. Выбор того или иного подхода, на наш взгляд, определяется такими факторами, как:

– связь конкретных подходов и методов в различных типах исследований;

– более глубокое изучение одного из подходов (методов) в аспекте конкретного правового исследования.

При этом научно-методическое обеспечение как метод правоприменительной политики выражается в тех или иных правовых исследованиях, таких как:

– методологические – исследование вопроса о том, работает ли закон в действительности и соответствует ли механизм его действия заложенным законодателем моральным, политическим, экономическим целям;

– комментаторские – раскрытие положений закона;

– эмпирические – определение механизма действия рассматриваемого закона и определение наиболее адекватных правовых средств достижения определенных данным законом целей в конкретных социально-правовых условиях;

– поисковые – изучение новых направлений юридических исследований на основе выявленных проблем и тенденций правоприменительной практики;

– экспертные исследования – проведение юридической экспертизы правового акта, его оценка с позиций его законности, юридической техники, правил русского литературного языка, требований формальной логики.

Отметим, что, хотя доктринальные исследования и варьируются от описательных, содержащих в себе комментарии ряда нормативных положений до глубоких теоретических работ, ориентированных на систематизацию имеющегося нормативного материала и практики его применения, это вовсе не означает, что менее сложное исследование является менее ценным. Напротив, они составляют основу для фундаментальных исследований, значение которых велико как для внутригосударственного правового регулирования, так и с международно-политической точки зрения. В частности, значимость российской уголовно-правовой мысли для формирования международной уголовной политики предопределяется множеством факторов, поскольку она содержит в себе аргументы, обосновывающие политику борьбы с преступностью в том формате, в каком она представляется обоснованной с точки зрения интересов Российской Федерации [21, с. 183].

Вторая сторона рассматриваемого элемента методологии политики правоприменения – вопрос о подготовке квалифицированных кадров, способных по своим профессиональным качествам к выполнению работы по обеспечению реализации правоприменительной политики. На сегодняшний день юридическое образование делает попытку объединить настолько, насколько это возможно, изучение реальной практики применения права и внутренний анализ правовой системы, изолированный от любого внешнего контекста (что в большей мере свойственно французской доктрине юридического образования). При этом закон в значительной мере устраняется от реального состояния общественных отношений, а социальные проблемы представляются как сугубо юридические, то есть потенциально разрешимые исключительно правом и ничем другим. Разумеется, такой подход приводит лишь к формированию у обучающихся идеализированных и искусственных представлений о реальной практике применения права, где сформулированные проблемы решаются без необходимой связи с реальностью. Вместе с тем В.Ю. Панченко отмечает, что примене-

ние права, в отличие от многих других видов деятельности в правовой сфере, приближено к экономическим, политическим, социальным и другим потребностям людей и организаций [18, с. 7]. Более плодотворным нам представляется подход, предусматривающий учет реального измерения социальной науки, включающий в себя формирование навыка проведения комплексных, междисциплинарных исследований. Это возможно в том числе за счет полноценного изучения таких дисциплин, как криминология, правовая социология, юридическая психология, юридическая антропология, методики эволюционного анализа в праве, а также путем освобождения современного юридического образования от парадигмы спонтанности, случайности и внимания к незначительному, свойственной культуре постмодерна в целом, эфемерность которой подтверждается и ее деконструктивным характером.

Рассмотренные направления методологии правоприменительной политики, как представляется, отражают всю сложность указанного явления, формируемого и правоприменительной практикой, и ее потребностями. Это определяет необходимость дальнейшего определения различных сторон методологической основы политики правоприменения в ходе научного дискурса, а также более полного определения ее места в структуре правовой политики в целом.

8. Выводы

1. Правоприменительная политика – это государственная стратегия, определяющая основные направления, методы и средства реализации правовых предписаний.

2. С позиций системного подхода правоприменительная политика представляет собой систему управленческого типа, в который выделяются три элемента: субъект, объект и средства (методы).

3. Методология политики правоприменения включает в себя систему методов:

а) моделирования основных направлений осуществления права;

б) разработки общей стратегии реализации правовых предписаний;

в) выявления тенденций правоприменительной практики;

г) коррекции тенденций правоприменительной практики;

д) научно-методического обеспечения правоприменительной политики.

4. Необходимый учет моделирования как метода правоприменительной практики ставит вопросы о том, какие именно методы разработки могут использоваться для создания новых моделей в области правового регулирования, а также о том, какие из существующих методов применимы и к реализации права, но при этом могут быть адаптированы к созданию моделей правотворческой политики. Основная идея здесь состоит в том, чтобы обеспечить перенос методов теории информационных систем в область моделирования правоприменительной политики.

5. Методология правоприменительной политики имеет тесную связь с правовой политикой в целом, что дает основание признать исключительную важность для правоприменения юридических деклараций, признанных человечеством.

СПИСОК ЛИТРАТУРЫ

1. Вопленко Н.Н. Правоприменительная политика: понятие и содержание / Н.Н. Вопленко // Тезисы докладов 9-й научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1992. – С. 96–97.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. – Вып. 1. – М., 1987. – 213 с.
3. Pound R. Sociology of Law / R. Pound // Twentieth Century Sociology / Ed. by G. Gurvitch and N. E. Moore. – N. Y., 1945. – P. 297–340.
4. Tyler T.R. Methodology in Legal Research / T.R. Tyler // Utrecht Law Review. – 2017. – № 13(3). – P.130–141.
5. Исаков Н.В. Правовая политика современной России: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук / Н.В. Исаков. – Ростов н/Д, 2004. – 459 с.
6. Колесникова А.Ю. Правовая политика России в отношении некоторых категорий инвалидов в 1991–2004 годах / А.Ю. Колесникова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1 (54). – С. 42–47.
7. Кудрявцев В.Н. Причины преступности / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. Причины преступности // Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Норма, 2011. – 128 с.
8. Маркс К. Избр. произв.: в 2 т. / Маркс К., Энгельс Ф. – Т. 2. – М., 1952. – 516 с.

9. Клейменов М.П. Криминализация государства в контексте глобализации / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2(55). – С. 146–150.
10. Aguilo-Regla J. Introduction: Legal Informatics and the Conceptions of the Law / J. Aguilo-Regla // Law and the Semantic Web. – Berlin, 2005. – P. 18–24.
11. Knackstedt R. Conceptual Modeling in Law: An Interdisciplinary Research Agenda / R. Knackstedt, M. Hed-dier, J. Becker // Communications of the Association for Information Systems. – 2014. – Vol. 34. – P. 712–736.
12. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России / М.П. Клейменов // Lex Russica. – 2018. – № 2 (135). – С. 148–158.
13. Dyzenhaus D. Dworkin and Unjust Law / D. Dyzenhaus. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780190466411.001.0001/acprof-9780190466411-chapter-7>.
14. Клейменов М.П. Прогнозирование правоприменительной деятельности / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 3(16). – С. 10–12.
15. Чукин С.Г. Философия права / С.Г. Чукин, В.П. Сальников, В.В. Балахонский. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 240 с.
16. Клейменов М.П. Мониторинг правоприменения в России / М.П. Клейменов, Е.С. Иванов, М.Г. Козловская // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 123–129.
17. Томин В.А. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: учебное пособие / В.А. Томин. – СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 96 с.
18. Панченко В.А. Современное правопонимание и правоприменение / В.А. Панченко // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 4(33). – С. 6–9.
19. Аминов Д.И. К вопросу о роли мониторинга при реализации современной уголовной политики / Д.И. Аминов // Вестник Московского университета МВД. – 2012. – С. 45–47.
20. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Про-спект, 2014. – 296 с.
21. Ерохин Д.В. Понятие и цели международной уголовной политики / Д.В. Ерохин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (56). – С. 179–185.

REFERENCES

1. Voplenko N.N. Law enforcement policy: notion and content, in: *Tezisy dokladov 9 nauchnoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava VolGU*. Volgograd, VolGU Publ., 1992, pp. 96-97. (In Russ.).
2. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. V. 1., Moscow, 1987. 213 p. (In Russ.).
3. Pound R. *Sociology of Law* // Twentieth Century Sociology / Ed. by G. Gurvitch and N. E. Moore., N. Y., 1945. P. 297-340.
4. Tyler T.R. *Methodology in Legal Research* // Utrecht Law Review. 2017. 13(3). pp.130–141.
5. Isakov N.V. *Legal policy of modern Russia: theory and practice*. Doct. Diss. Rostov on Don, 2004. p. 459. (In Russ.).
6. Kolesnikova A.U. *Legal policy of Russia regarding certain categories of persons with disabilities in 1991 – 2004*. Pravovaya politika i pravovaya zhizn= Legal policy and legal life, 2014, no. 1 (54), pp. 42-47. (In Russ.).
7. Kudryavtsev V.N. (ed), Eminov V.E. *The Causes of crime*. Moscow: Norma publ., 2011. 128 p. (In Russ.).
8. Marx K., Engels F. *Selected works: in 2 parts*. P.2. Moscow, 1952. 516 p. (In Russ.).
9. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. *Criminalization of the state in the context of globalization*. Vestnik Omskogo universiteta. Seria «Pravo» = Herald of Omsk University. Series «Law», 2018, no. 2(55). pp. 146-150. (In Russ.).
10. Aguilo-Regla J. Introduction: Legal Informatics and the Conceptions of the Law // Law and the Semantic Web. Berlin, 2005. pp. 18-24.
11. R. Knackstedt, M. Hed-dier, J. Becker. Conceptual Modeling in Law: An Interdisciplinary Research Agenda // Communications of the Association for Information Systems. 2014. Vol. 34. pp. 712-736. URL: <http://aisel.aisnet.org/cais/vol34>
12. Kleimenov M.P. *Criminological legislation and criminological law in Russia*. Lex Russica, 2018, no. 2 (135). pp. 148-158. (In Russ.).

13. D. Dyzenhaus. Dworkin and Unjust Law. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780190466411.001.0001/acprof-9780190466411-chapter-7>.
14. Kleimenov M.P. *Forecasting of enforcement of law. Vestnik Omskogo universiteta*. Seria «Pravo» = Herald of Omsk University. Series «Law», 2008, no. 3(16). pp. 10-12. (In Russ.).
15. Chukin S.G., Salnikov V.P., Balakhonsky V.V. *Philosophy of Law*. Moscow: IMTS GUK Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2002. 240 p. (In Russ.).
16. Kleimenov M.P., Ivanov E.S., Kozlovskaya M.G. Monitoring law enforcement in Russia. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seria «Pravo» = Herald of Omsk University. Series «Law», 2017, no. 4(53). pp. 123-129. (In Russ.).
17. Tomin V.A. *Lawmaking activities of the constituent entities of the Russian Federation: study guide*. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation publ., 2017. 96 p. (In Russ.).
18. Panchenko V.A. *Modern understanding and law enforcement*. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seria «Pravo» = Herald of Omsk University. Series «Law», 2012, no. 4(33). pp. 6-9. (In Russ.).
19. Aminov D.I. *On the question of the role of monitoring in the implementation of modern criminal policy*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*, 2012. pp. 45-47. (In Russ.).
20. Babaev M.M., Pudovochkin Y.E. *Problems of the Russian criminal policy*. Moscow: Prospect publ., 2014. 296 p. (In Russ.).
21. Erokhin D.V. The concept and purposes of international criminal policy. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seria «Pravo» = Herald of Omsk University. Series «Law», 2018, no. 3(56). pp. 179-185. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клеймёнов Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: klim798@mail.ru
SPIN-код: 4431-6452; AuthorID: 596245
ORCID: 0000-0002-6942-7059

Ерохин Денис Витальевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: deniserokhin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клеймёнов М.П. Методология политики правоприменения / М.П. Клеймёнов, Д.В. Ерохин // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 5–15. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).5-15.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mikhail P. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: klim798@mail.ru
SPIN-code: 4431-6452; AuthorID: 596245
ORCID: 0000-0002-6942-7059

Denis V. Erokhin – PhD student, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: deniserokhin@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov M.P., Erokhin D.V. The methodology of law enforcement policy. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).5-15. (In Russ.).